

Остров Ретро

Самма. - С. 10. - 1995. - 8 марта. - С. 5.

С НЕПРИВЫЧКИ квартира в старом доме на Невском кажется такой большой, что рискуешь заблудиться. Когда за разговорами с хозяйкой, переходя из гостиной в кабинет, а оттуда - на кухню, начинаешь квартиру осваивать, то она кажется просторной декорацией какой-то арбузовской пьесы тридцатилетней давности. Нет здесь ни жалюзи, ни ковровых покрытий, ни галогеновых светильников, в полированном серванте не звенят тонкие хрустальные фужеры - их в этой жизненной пьесе совсем не предусмотрено. Зато есть черный концертный рояль, темнеющий в сумерках в комнате сына, много книг и цветов, бирюзовый попугай Яша, ризеншнауцер Элизабет (в просторечии Лизка) и рыжий невозмутимый кот Гай Юлий Цезарь, прозванный за младенческую гадливость Гайдаром.

Длинный полотняный абажур на лампе уж совсем по-театральному заковывает в круг света женщину, сидящую за столом. Перед ней высокий бокал с совершенно черным чаем, в руке гаснет беломорина с едва прикусенным мундштуком.

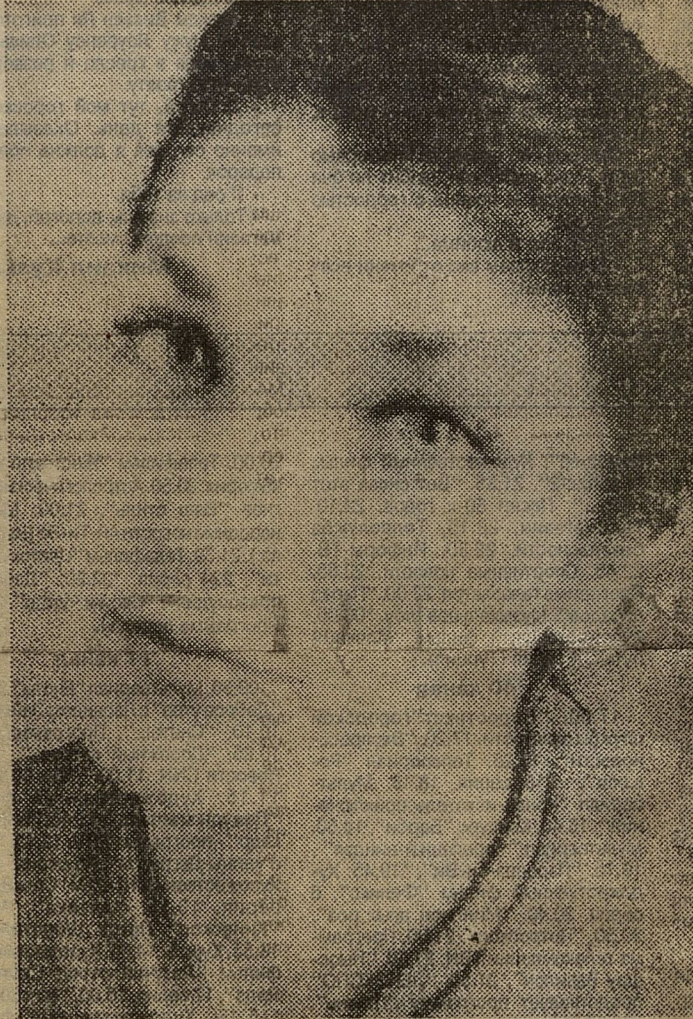
В изустных легендах о красивых женщинах Ленинграда хозяйка дома, с которой мы чаем на кухне, навсегда останется просто Галей Невзоровой. Знающие люди рассказывали, что за улыбку юной Гали на край света могли отправиться такие мужчины, которых сегодня мы почтительно числим по разряду "цвета интеллигенции и прогрессивной общественности", а длине ее юбки прижизненные классики обязаны многими поэтическими шедеврами. Но главное - глаза, которые не знают слова "были"... Вы видели когда-нибудь у женщины глаза - от переносицы до виска - огромные, миндалевидные, египетские?..

ЕСЛИ вы думаете, что из-за внешности, то я вас разочарую: в театральном институте я оказалась случайно. В школе я занималась геохимией, собиралась стать геологом и очень гордилась, что на доске длинной вот с этого трехстворчатый шкаф могу написать с легкостью структурную формулу малахита. В классе была девочка тихая, как ангел, вся в кружевных воротничках, с ней мы подавали документы в Университет на геологический. Я поставила ее в большую очередь романтиков и пошла посмотреть, кто есть из наших на набережной. И вдруг, я вижу, идет совсем другая наша одноклассница - никаких косичек и кружевных воротничков, вся такая модная, накрашенная. Девчонкам в классе заприщали с ней дружить, мне одной мама разрешала, потому что двоюродная была сиротой. И вот на вопрос "куда?" - она отвечает, мол, идите поступать в театральный. Я сразу загорелась ее проводить...

Кстати, потом, когда я поступила, а ее не приняли, я ходила к начальству и кричала, что она сирота, и ее взяли в институт вольнослушателем. - Галина Георгиевна, а красота и телевидение притягиваются? - Опять же разочарую вас - о славе Валентины Леонтьевой и Анны Шиловой я не мечтала. На телевидении оказалась случайно, правда. После института меня распределили в театральный музей. Рядом театральная библиотека. Вроде бы все хорошо, перспектива одна - писать диссертацию. Но сидишь целый день и пишешь: "Три листочка зелени с гроба Асенковой..." Пишешь на три разные бумажки, инвентаризируешь. Главным хранителем была очень славная женщина Ксения Борисовна, которая все принимала всерьез: принесут ей старые перчатки, скажут, что Комиссаржевской, целый день в музее переполох - перчатки самой Веры Федоровны...

Меня уже звали на телевидение, а не уйти - распределение все-таки. Но перед Новым годом, когда я подала свою идею, меня отпустили на все четыре стороны. Я предложила: "Ксения Борисовна, давайте нарядимся в платье Савиновой, Комиссаржевской и устроим театральную бал". Бедная женщина чуть в обморок не упала. - Вы специально хулиганили? - Нет, что вы. Ведь на самом деле хорошая идея? Гораздо веселее того, что потом со мной случилось на телевидении. Первый год я вообще в пионерском вешении работала, хотя в детях мало что смыслила - у меня Саньке еще года не было. Домработница ушла, в одной руке - Сашка, в другой - книжка. Но я очень уважала заведующую детской редакцией Нину Владимировну Пономареву, потому что все знали, как она году в сорок восьмом одна вставала на партсобрании и отстаивала людей. Легенда, а не женщина. Она меня благословила в литературно-драматическую редакцию, где в ту пору делались знаменитые литературные вторники, о которых теперь все известно и все написано. В той печально знаменитой передаче участвовали разные люди - академик Лихачев, Солженицын, Солоухин, кто-то рассказывал о духовной музыке, Лев Успенский - о нелепых переименованиях в городе. Тогда все передачи шли без записи, в прямом эфире. И уже вечером стало ясно, что поднимается шум, слишком много запретных тем было затронуто. Нам приказали делать на следующий же день передачу опровержения. Слушайте, мы протестовали, что-то обсуждали - и даже не догадывались, что все наши разговоры, вплоть до телефонных, прослушиваются и записываются как "антисоветские"... Мы, журналисты, редакторы, написали двадцать шесть заявлений об уходе, уверенные, что это кого-то остановит. И оказались прямо на улице.

- Вы всегда не любили Советскую власть? - Что значит "всегда"? Тут надо начинать с семьи, я всегда начинаю. Это Саша последнее время играет в игру, будто его в дровах нашли. В моей жизни были замечательные отчимы. И слож-

Теперь он далеко. И не мальчик уже - Александр Невзоров. А журналистская фамилия, под которой город знал мать, перешла к сыну, став столь знаменитой, что перестала ассоциироваться еще с кем-то, кроме "Глебыча"

ные отношения с отцом. Моя мама разошлась с ним по причине того, что отец пошел работать в НКВД. Мне очень нравился отец, но я не любила слово "НКВД".

Мы уехали из блокадного Ленинграда на последнем поезде на Урал. Победу я запомнила потому, что деду, работавшему плановиком на военном заводе, подарили шелковый красный флаг, из которого мне сшили первое ослепительное платье. У меня серьезное отношение к красному флагу, правда.

С другой стороны, в наш послевоенный двор ленинградский выходили автобуса, общежитие и предварительная тюрьма. Мы с братом Игорем таскали арестованным папиросы и хлеб из дома. Нам разрешали, потому что мама считала, что мы живем лучше других. - отчим - отец Игоря, начав войну простым солдатом, закончил ее прокурором советской зоны оккупации Германии. Мы приводили домой детей со двора, няньке-финке, которая все время читала молитвенник, было жалко продуктов, и она ругалась страшно. И я удирала к маме в Университет на юридический. А год был сорок восьмой, и в Университете уже са-жали...

- Вы хотите сказать, что уже в детстве осознанно относились к сталинизму?

- Почти сразу после войны взяли одного человека с филфака, большого маминго друга. У него была трагичная судьба. Пока он воевал, жена с двумя детьми выехала в эвакуацию. Ночью в поезде она примерзла к печке и сгорела. Отец искал детей по детдомам после войны, нашел только одного сына. После ареста мама взяла мальчика к нам домой. Однажды на собрании

хорошая мамин подруга вдруг встает и говорит: как это Анна Александровна может брать в семью сына врага народа, как? Мама была решительной женщиной - она предпочла расс-таться с Университетом. Прошло совсем немного времени, и лучшая эта подруга после расстрела своего мужа - ректора Вознесенского поехала в ссылку со своим сыном...

Понимаете, я была единственной девочкой в школе, которая не плакала, когда умер Сталин. Меня даже отправили домой, чтобы не портила картину...

Я презираю людей, которые сейчас говорят, что тогда чего-то не знали. Все все знали. Я

помню, как в доме на Лахтинской у нас по лестнице жила женщина Анна Ивановна, к которой приносили чистить одежду. К ней приходили те, кто освобождался из лагерей, ведь в чем арестовывались, в том и возвращались. И наша соседка, как сейчас помню, приводила в божеский вид эти обноски, которые были когда-то пальто, плащом или габардиновым мантием. И вы думаете, что, живя в доме, можно было не заметить этих людей или не услышать рассказов Анны Ивановны?..

- А как вы относитесь к людям, симпатизирующим тем порядкам?

- На лестнице в театральном институте у нас стояла огромная скульптура - Сталин с вытянутой рукой. Мы туда кляли иногда колечку, иногда огрызок яблока: было и страшно и здорово! Но в один прекрасный день памятник разобрали, он лежал во дворе, и я испытывала какое-то омерзительное чувство, когда ходила мимо кусков Сталина.

Я поняла то, что испытывала, много позже. Мама вскоре вновь вышла замуж, и моим новым отцом стал известный человек, музыкальный руководитель Александринского театра. В доме стали бывать Шостакович, Соловьев-Седой. Среди новых друзей дома был и композитор Венедикт Пушкин. Это только сейчас ясно, что за оперу "Гроза" он написал, а тогда у него, профессора Консерватории, хронически не хватало денег и он подрабатывал в кино и театре. Отчим, желая выручить друга, предложил ему написать музыку к какому-то революционному спектаклю. Там была сцена, где красные, захватив богатый дом, срывают иконы со стен, топчут, ходят по ним и т.д. Венедикт Венедикто-

- Хотите, похвастаюсь? Если бы в нашем городе никто не умирал, не уезжал и не терялся постепенно, а я бы умерла и лежала бы вся в цветах и свечах, меня бы пришло похоронить не менее пятидесяти человек, которым я просто помогла. Эта сторона профессии испугала для меня все ее недостатки. Поэтому я так ненавижу сегодняшнюю журналистику, из которой человек просто выпал. Просто спасти мальчишку от тюрьмы, потому что у мамы нет денег на адвоката, устроить человека на работу, кому-то с кем-то помириться - простые вещи, но после них можно смотреть людям в глаза. И я до сих пор дружу со многими героями, например, с Татьяной Михайловной Захаровой.

- Та самая - Герой Социалистического Труда с завода слоистых пластиков?

- Я просто мурду буду бить, если мне кто-то скажет, что Герои эти были липовые. Они были настоящими тружениками. - Их никогда не любили рабочие, потому что передовики перевыполняли норму, а остальным - срезали расценки. Мне жал те рабочие, по-моему, они были заложниками чиновников, марионетками...

- Мне тоже пришлось писать о женщине-водителе такси, которой шины прокалывали и сахарный сироп в бак заливали. Но ведь это же не отменяло ее личной честности, ее труда?!

После очерка о Татьяне Захаровой я написала материал "Вторая Татьяна" - о ее сменщице. Сама Захарова упростила, мол, работает не хуже меня тезка, но вечернюю школу не закончила и в партию не вступила. Зато люди ее "совестью завода" называют. Ни один мой острый материал не валялся в редакции дольше, чем этот. Так что же все-таки был заложником системы - может быть, мы, журналисты?..

- Галина Георгиевна, у меня такое впечатление, что вам совершенно наплевать, какой общественный строй у вас за окном. Вы исповедуете не отношение к политической системе, вы исповедуете отношение к конкретным людям...

- Старые большевики, встречаясь со мной, спрашива-

ли: тебе как надо или как было?.. Маленькая старушка Агрипина Ильинична Круглова была секретарем Петросвета и говорила: ну эти... примазавшиеся, которые под балконом Кшесинской стояли. Она, шуплая такая, ногой к Романову дверь открывала. Я вообще очень много видела людей в жизни, которым ничего не было за то, что они открывали ногой дверь в кабинеты, хотя вроде бы они не имели официального статуса для такого способа открывания двери.

Я сделала к какой-то дате целый цикл о них. Была такая чудная старушка Гиларова - из петербургской профессорской

семьи. Одна ее сестра - зсерка, ее растоптала толпа во время июльской демонстрации, брат работал у Орджоникидзе, его, естественно, расстреляли. Она сидела дольше других - аж с тридцать третьего, потому что была женой секретаря Румынской компартии.

Все кассеты с теми фильмами смтыты на хрен. Зачем? Ведь этих старух уже никто не воскресит. Какую классовую ненависть демократы могли испытывать к старухе Циммерман-Дроздовской? Ольга Антонова - участник штурма Зимнего, награждена именным оружием "За разведку в тылу врага", трижды расстрелянная в гражданской войне и спасаясь. Но - работа. А сажать было надо. Тогда был верный способ - вызвали в райком для уплаты членских взносов, партбилет кляли в сейф, входили два молчаливых товарища и уводили. А Дроздовская была комиссаром партизанского отряда на Урале. Она взяла большую чернильницу и прямо в райкомовском кабинете трахнула бабу, отбравшую партбилет, по башке со словами: "Не ты мне его давала, те тебе и забирать". Хорошо, рабочие спасли - списали на старую контузию под Нарвой и дали отсидеться в психушке.

"Присела" она уже перед войной из-за мужа-немца. А муж этот, Циммерман, забытый и оставленный в блокаду, умер потому, что к станку своему на аскалаторном заводе примерз... - Понятие "патриотизм" много значит для вас?

- Знаете, когда у меня не хватало денег, я подрабатывала летом, водила интуристовские экскурсии. И терпеть не могла этих холуек, которые за помаду, за сигареты, за жвачку могли вывернуть русскую историю наизнанку.

Общение со стариками поставило передо мной мучительный вопрос: почему, перенеся в лагерях у Сталина страшные муки, они ни в чем не винули ни партию, ни народ? Рассказы стариков наводили на простую мысль: одно дело - идеальные люди, которые могут вынести горе, боль и смерть товарищей, а другое дело - треп на кухне. - Вы имеете в виду диссидентство?

- Да. - Вам помешали стать членом движения ваши убеждения?

- Однажды моя Наташа (первая жена Александра Невзорова. - Прим.М.Г.) привела домой другую Наташу. Несчастная девочка, без документов, художница, к политике имеет такое же отношение, как я - к китайскому балету. Провела восемь лет в Мордовии в лагере

для особо опасных государственных преступников. Она оформляла обложку самиздатского питерского журнала "Мария" о положении женщин в СССР. Понимаете, она, художница, рисовала обложку, а ведь были еще редакторы, идеологи... Почему девочка Наташа оказалась на нарах с перебитым позвоночником - офицер конвоя "погулял", а Юлия Вознесенская и прочие - в Мюнхене и в Париже?.. И это не единственное дело, когда парились в лагерях люди, едва-едва причастные к чему-то, а все остальные видные граждане - отваливали за рубеж.

С этой бедной Наташей сидела украинская поэтесса Ирина Ратушинская, издавшая книгу "Серый - цвет надежды", которую потом принимали как мученицу Маргарет Татчер и королева Елизавета. Что же она, живущая в Англии, чагополучная, не послала в Россию бедного голодраника-одиночгерниче хоть пальто, хоть тряпку... А когда приехала в Питер и устроила презентацию новой книги, даже не позвала Наташу...

Наташа, потеряв документы, так боялась, что я не поверю ее рассказам, что привела к нам домой Татьяну Михайловну Великанову. И я спросила ее, почему вы, диссиденты того поколения, не участвуете, кроме Сергея Адамовича Ковалева, в перестройке? Она сказала, что все это габзбшние игры. Это то, о чем пишут Зиновьев и Максимов. И вопрос "пятая колония" стал со временем для меня вовсе прозрачным.

- Галина Георгиевна, а чем вы заняты сейчас? - Помните, у Карамзина мысль о том, что Россия нужно одно только просвещение. Я занимаюсь теорией малых дел. Мы пытаемся возродить фольклорскую "Золотую библиотеку", мы открыли Лицей драматического искусства, где я преподаю основы "драматургии".

Мы занимаемся в отделе обычной школы, между прочим, с 9 до 8 вечера. Если ребята сильно устают - могут отдохнуть. Мы им такое ковровое покрытие купили. Конечно, все знают, что из целого курса актерского выйдет, быть может, одна-две примечательные личности. У нас, наверное, даже четыре...

- А остальные? - Но ведь это уже совсем другие дети! Им говорят, отдохните, а они отвечают, погодите, нам Галина Георгиевна задала отыскать смысловую ошибку у Шекспира.

Сидят ищут ошибку у Шекспира и, может, через то и спасаются...

Тот, кто более всего и неистовее всех ревновал ее к мужчине, кто называл одного из ее мужей, случившегося из Новосибирска, "мамин сибиряк", этот мальчик, из-за которого она никогда не знала покоя, талантливый как никто и красивый, как молодой бог, давно уже не живет в старой квартире, причалившей к острову Ретро. Его комната после недавнего ремонта выглядит в обиход вполне цивилизованно - исчез Христос во всю стену, ничто в доме больше не взрывается и не полыхает и по проволоке не ходит больше дрессированная гусеница, которую Сашка научил еще и кланяться.

Долгое время, и это широко разошлось по городу, мать не принимала то дело, которым занимался сын, те шестьсот секунд, которые стали его дорогой к славе, а его компания считала просто людьми с дурным вкусом. Город то носил репортера на руках, то низвергал божество в грязь, проклятая непредсказуемость его политических симпатий, - мать не принимала участия ни в славословиях, ни в хуле.

Говорят, она "сломалась" на том злополучном выстреле на ночном пустыре, когда поняла, что не благополучие митрополита накануне, а надетые влопыха две кожаные куртки одна на другую отклонили пулю от сердца.

Но теперь он был далеко. И не мальчик - Александр Невзоров. Журналистская фамилия, под которой город знал Галину Георгиевну, перешла к сыну, став столь знаменитой, что перестала ассоциироваться еще с кем-то другим, кроме "Глебыча".

И чувство, что он уходит от них все дальше и дальше, живет в старом доме, где нет теперь ни Анны Александровны, ни отчима, а остались лишь три женщины - Галина Георгиевна, Наташа и Полина.

Я решилась спросить: - Выходит, вы все еще ждете его? И бережете Сашин семейный очаг.

Невзорова твердо посмотрела мне в глаза: - Я считаю, что если девочку один раз предали, то это должно быть исключением из правил, а не правилом! О Наташе она это сказала или о Поле?

Будут жить-поживать на своем острове...

Марина ГОНЧАРЕНКО
• Из семейного альбома - Галя, Саша и Полина